

Colours are used to represent a political stance, a political ideology or a position on the political spectrum. Colour represents an independent navigation system in reality, and consequently, political parties, on the one hand, exercise their influence on the functional condition of a person and, on the other hand, express their political goals.

Поступила в редакцию 27.12.2018

О. В. Сидоревич-Стахнова

О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются особенности формирования лексико-семантического объединения «Вежливость» в испанском языке. На основании количественного анализа выявляется историческое ядро лексической системы средств вежливости, сформировавшееся на 80 % к XVII в. В семантике изучаемой лексики обнаруживается представление о вежливости, которое ориентируется на социально и культурно престижное пространство. В Средневековье особым престижем пользуется королевская феодально-рыцарская среда; в период Золотого века – обстановка аристократического салона или имитирующая ее социально привилегированная среда богатых горожан. В настоящее время в лексике вежливости испанского языка находят отражение представления о разных культурно-престижных социально-исторических пространствах.

В исследовании А. Г. Балакая [1] выдвигается положение о том, что при синхроническом описании языковых средств вежливого общения очень важно учитывать понятие эволюции и, следовательно, нельзя пренебрегать диахроническим методом.

Однако для автора диахроническая сторона проблемы видится прежде всего в архаических элементах общения, которые «не исчезают из современной языковой системы, а, переходя в группу нерегулярных форм, изменяют сферу употребления, стилистическое и прагматическое значение» [Там же]. Таковыми, например, в русском языке являются формулы типа «соблаговолите принять...», «соблаговолите ответить...» и т. д. Это значит, что общающиеся могут понимать подобные элементы и в некоторых случаях даже пользоваться ими (например, в иронических высказываниях), но, по сути, они не входят в систему норм современной вежливой речи [2, с. 210].

Вместе с тем обозначился теоретически существенный вопрос о том, могут ли в данную языковую систему вежливости интегрироваться формы, характеризующиеся в качестве элементов разных исторических периодов, но отмеченные признаками функционального и стилистического единства.

В этом смысле показательной является работа К. Элиха [3]. В отличие от А. Г. Балакая, немецкий ученый рассматривает тезис о необходимости изучать этимологические основы и внутреннюю форму языковых средств, используемых в синхроническом плане для выражения понятия вежливости. Такому пониманию соответствует и сформулированная в последние годы концепция культурно-гибридной вежливости [4].

Уже в первом приближении к нашему материалу видно, насколько важно учитывать исторические аспекты проблемы вежливости в испанском языке. Речь идет в первую очередь о лексике, так как именно лексическая сторона наиболее четко и последовательно отражает зависимость языковых форм от исторических факторов [5, p. 138].

В предлагаемой статье анализ лексической стороны выражения вежливости опирается на материал «Идеологического словаря испанского языка» Х. Касареса [6].

Как это свойственно идеографическому принципу вообще [7, с. 251], лексика вежливости у Касареса оказывается представлена элементами разных уровней логической иерархии.

Заслуживает внимания прежде всего высшая иерархическая единица (гипероним) изучаемого объединения – *cortesía* ‘вежливость’. Эта единица выделяется автором словаря в качестве наименования всего объединения, что эмпирически свидетельствует о гиперонимическом потенциале этой единицы.

Кроме того, *cortesía* служит основным идентификатором лексики вежливости в словаре Касареса. Напр., *atención* – *acto de cortesía*;

consideración – *cortesía*;

mesura – *cortesía*;

urbanidad – *cortesía*.

С учетом так называемой «трансформации объяснения» идентификационная процедура может быть расширена за счет единиц, уже описанных при помощи идентификатора, в нашем случае *cortesía*. Поэтому в перечне Касареса оказываются и лексические единицы, дефиниции которых опираются на слова, уже определенные в качестве единиц лексико-семантического объединения вежливости, например:

(buena) *crianza* – *urbanidad*;

cortesanía – *urbanidad*;

finura – *urbanidad*;

policía – *urbanidad* и др.

Указанные выше особенности позволяют заключить, что изучаемый материал опирается на полевой принцип системной организации лексики. Вместе с тем внимания заслуживают единицы, которые, также в соответствии с практикой идеографического описания, Х. Касарес включает в интересующее нас объединение фактически по принципу, предложенному Л. Витгенштейном под названием «фамильное сходство» [8, с. 109]. Речь идет о словах, казалось бы, непосредственно не связанных с идеей вежливости, но «переплетающихся и пересекающихся» с нею по различным линиям причинно-следственной зависимости. К ним относятся такие единицы, как *cultura* ‘культура’, *educación* ‘воспитание’, *visitar* ‘посещать’ и др.

В перечень Х. Касареса мы внесли следующие изменения. Во-первых, в этот перечень добавлены слова *usted* ‘Вы’, *señor* ‘господин’, *señora* ‘госпожа’, *don* ‘дон, господин’, *doña* ‘госпожа’, *señorita* ‘барышня’, *señorito* ‘молодой человек’, *caballero* ‘кабальеро, сударь’, *dama* ‘дама, госпожа’, которые не рассматривались Касаресом, очевидно, в силу их принадлежности к разряду обращений.

Подобные обращения как формы вежливости учитываются в исследовательской практике испанистов (см., например, [9, p. 30–48]). Кроме того, мы посчитали желательным включить в перечень также формы *compañero* ‘товарищ’ и *camarada* ‘товарищ’, представляющие интерес с точки зрения общественно-политической дифференциации средств обращения в испанском языке.

Второе изменение связано с исключением из перечня Х. Касареса нескольких элементов. Речь идет прежде всего о наречиях, представляющих собой регулярные образования от соответствующих прилагательных или адъективированных причастий (типа *cortésmente* ‘вежливо’ ← *cortés* ‘вежливый’, *distinguidamente* ‘благородно’ ← *distinguido* ‘благородный’). Из перечня изъято также несколько фразеологизмов, не отвечающих заданному лексическому критерию отбора единиц анализа. Всего в полученном таким образом перечне насчитывается 117 лексических единиц.

В соответствии с традиционной классификацией испанской лексики по этимологическому принципу в нашем материале выделяются слова: а) исконные по происхождению и б) заимствованные из других языков.

Под исконными понимаются такие лексико-семантические единицы, которые существуют с начального периода развития испанского (староиспанского) языка и которые продолжают научно зарегистрированные прототипы в языке-источнике (латыни) или в речи общероманского периода. В эту группу включаются, таким образом, слова типа *don* ‘дон, господин’, *mesura* ‘чувство меры, вежливость’, восходящие соответственно к латинским *dominus* ‘господин, хозяин’ и *mensura* ‘мера’.

Сюда же входят и слова, которые исторически квалифицируются как элементы других языков, но они были рано освоены латынью или романской речью и естественным путем перешли в испанский язык наравне с собственно латинскими элементами. Примером подобных слов может служить *agasajo* ‘приветливость’, определяемое в качестве продолжателя германского слова, заимствованного в общероманский период, т.е. до образования собственно испанского языка.

К исконной лексике мы относим также формы, представляющие собой результат деривационной активности слов первоначального латинского или освоенного латинским языком фонда:

Например:

лат. *caballarius* ‘конюх’ > исп. *caballero* ‘всадник, рыцарь, кабальеро’ > исп. *caballeroso* ‘рыцарский’ > исп. *caballerosamente* ‘по-рыцарски’.

Выражением древнего характера подобной лексики является тот факт, что ее движение от латыни к испанскому языку, как правило, сопровождается существенными семантическими изменениями.

Особо выделим *cortés* и *cortesía* – ключевые элементы интересующей нас лексики. Уже в латинском языке лежащее в их основе слово (*cohors*, в форме винительного падежа *cohortem*), базируясь на первоначальном значении ‘двор, загон’, показывает возможность собственного использования со значением ‘свита’ [10, с. 201], что объясняет более позднее испанское

corte со значением ‘окружение короля, феодала’. Отсюда и известное с XII века значение вежливости у производных *cortés* и *cortesía* [11, p. 174] (фактически ‘поведение, свойственное окружению короля, феодала’).

Обратим внимание на формирование производного значения вежливости. Здесь подчеркивается идея социального пространства, в котором вежливость проявляется как особое социальное достоинство. То же отмечается и для существительного *caballero* (< лат. *caballarius* ‘конюх’), семантика которого включает в себя такие значения, как «El que se porta con nobleza y desinterés» ‘Тот, кто ведет себя благородно и бескорыстно’; «Persona de respeto» ‘уважаемое лицо’; «Señor, tratamiento de cortesía» ‘сеньор, вежливое обращение’ [6, p. 128]. Как и в отношении *cortés*, *cortesía*, можно сказать, что семантика вежливости у существительного *caballero* сформировалась под влиянием представления о престижном социальном пространстве, в данном случае рыцарской среде.

Аналогичным образом можно интерпретировать не зарегистрированные в перечне Х. Касареса формы *compañero*, *camarada* с общим для них значением ‘товарищ’. Первое из них связывается с древним прототипом *compaña* (< вулг.-лат. **compania*), указывающим на группу людей, которые «делят общий хлеб» [11, p. 162]. Второе слово (*camarada*, производная форма от *cámara* ‘помещение’) первоначально означало ‘группа солдат, которые спят и едят вместе’ (т.е. ‘в одном помещении’) [Там же, p. 122].

Факты, связанные с идеей социального пространства, можно трактовать как существенную типологическую черту испанской лексики вежливости.

Другая сторона выделенного Х. Касаресом лексического объединения вежливости представлена заимствованиями, т.е. такими словами, которые проникали в испанский язык после того, как определились его национальные основы. В число отдельных примеров входят такие элементы, как *brindar* ‘поднимать тост’, т.е. ‘желать добра человеку, за которого предлагается тост’, *caravana* (1350 г.; результат метафорического преобразования заимствования из персидского языка: ‘караван’ → ‘ухаживание’ → ‘вежливость’ [Там же, p. 131]) или *aristocrático* ‘тонкий’, ‘вежливый’ (зарегистрировано в 1612 г., из греческого языка [Там же, p. 61]). Но подобные факты носят в известном смысле единичный или случайный характер, они не могут повлиять на специфику изучаемого лексического объединения. Более значительными представляются группы заимствований, существование которых в системе испанской лексики объясняется действием специфических для испанского общества культурно-исторических фактов. Обнаружено четыре группы таких заимствований.

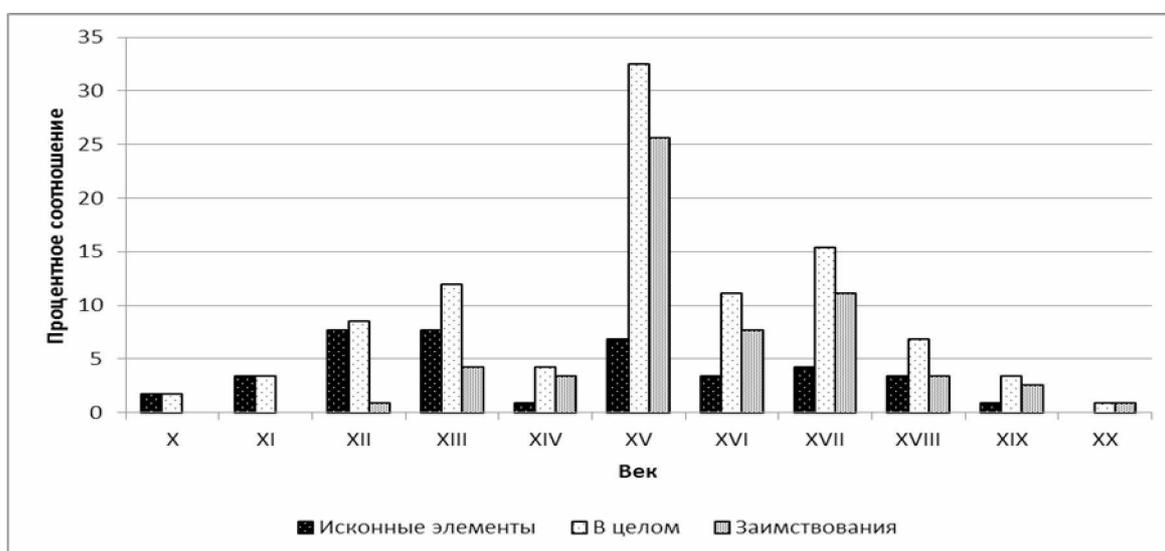
1. *Заимствования из арабского языка* в перечне Х. Касареса представлены словами – *azanahoriate*, *zalema*, *zalamelé*, относящимися к заимствованиям XV–XVI вв. и употребляющимися в качестве формул вежливости [11, с. 620–621]. Этот факт может показаться незначительным на фоне того, что в силу известных исторических обстоятельств – длительного арабского владычества – в целом арабизмы занимают значительное место в системе испанской лексики [12, p. 97]. Но с учетом сильного контроля со стороны церкви в сфере морали этот показатель представляется достаточно высоким [Там же, p. 102].

2. *Заимствования из французского языка* образуют подгруппу из нескольких слов: *pleitesía* ‘демонстрация вежливости’, *galantería* ‘учтивость’, *etiqueta* ‘этикет’ и *rendibú* «manifestación obsequiosa de respeto o cortesía» ‘галантная демонстрация уважения или вежливости’. Эти заимствования, как и указанные ниже заимствования из итальянского языка, свидетельствуют об особых отношениях Испании с другими западно-романскими странами в сфере культуры общения.

3. *Заимствования из итальянского языка* состоят из нескольких слов, семантически и морфологически возводимых к ит. *corte* ‘двор (королевский, феодальный)’ и укрепившихся в испанском языке в период XV–XVII вв.: *cortesano* ‘учтивый’, *cortesanía* ‘учтивость’, *cortesano* ‘чрезвычайно учтивый’, *cortejo* ‘ухаживание’. Из этой серии выпадает слово *caricia* ‘приветливость’ (XVI в.), возводимое предположительно к ит. *carezza* (одного корня с лат. *carus* ‘милый, любезный’ [11, p. 133]).

4. *Заимствования из латинского языка* представляют собой особенно значительную подгруппу в составе лексико-семантического объединения вежливости по Х. Касаресу. В количественном отношении она превосходит все остальные подгруппы, включая исконную лексику, историко-этимологические подгруппы вместе взятые. Это само по себе показательно как выражение значимости исторического начала для испанской лексики вообще и для лексико-семантического объединения вежливости в частности.

Описанные количественные особенности формирования испанского лексикона вежливости в этимолого-хронологическом аспекте обобщенно представлены на рисунке.

Формирование лексико-семантического объединения вежливости испанского языка по этимолого-хронологическому принципу

Представленные на рисунке данные позволяют отметить следующее.

Первые признаки формирования лексикона вежливости испанского языка регистрируются в X в. Каждый последующий век привносит свою долю единиц вежливости, но этот процесс проходит неравномерно.

Эта неравномерность касается, во-первых, количественного соотношения исконных и заимствованных элементов объединения. Примечательно, что на начальных этапах испанский язык отдает предпочтение средствам выражения, относящимся к фонду исконной лексики. В X–XI вв. вообще не обнаруживается заимствований, а в последующие два отрезка времени исконные элементы явно преобладают: в XII и XIII вв. регистрируется соответственно 8 % и 8 % исконных единиц против устойчивого показателя 0,9 % и 4,5% заимствований для каждого из этих веков.

Но затем ситуация довольно резко меняется: начиная с XIII в. испанская лексика вежливости обращается все чаще и чаще к иноязычным источникам, прежде всего к латыни. Это особенно ярко проявляется в период XV–XVII вв., когда соответственно против 7 %, 3,5 % и 4% исконных слов в качестве новых элементов в испанский язык вливается соответственно 25,5 %, 8 % и 11 % иноязычных лексических единиц для обозначения вежливости.

Но переориентация испанского языка с внутренних (исконных) источников на источники иноязычные для пополнения лексикона вежливости носит не столько структурный, сколько социально-культурный характер. Речь идет о подготовке замкнутого на себе феодального уклада жизни к переходу на новые социально-политические и культурные ценности, свойственные эпохе Возрождения (*Edad de Oro*).

Во-вторых, обращают на себя внимание различия в общем объеме единиц, которыми обогащается испанский лексикон на разных отрезках его исторического развития.

Может показаться неожиданным всплеск номинативной активности в XII и XIII вв.: соответственно 9 % и 12 % новых лексических единиц вежливости приходится на это время. При этом предшествующие периоды (X–XI вв.) отмечены всего 2 % и 4 %, а последующий (XIV в.) – 4 %. Но этому также имеется социально-культурное объяснение: такая ситуация соответствует периоду расцвета рыцарского уклада жизни в Западной Европе, включая Испанию.

В XV в. регистрируется максимальная степень номинативной активности изучаемого объединения, что находит объяснение в особенностях соответствующего социально-культурного климата эпохи (подступы к периоду *Edad de Oro*). Затем в последующие века, вплоть до нашего времени, наблюдается поэтапное снижение такой активности, что объясняется состоянием самого языка: формирование испанской лексики вежливости, по существу, почти завершилось. Как свидетельствуют данные рисунка, более 80 % современного ее состава определились уже к концу XVII в.

Обобщим вышесказанное. Описанный анализ выявил наличие в лексико-семантическом объединении вежливости элементов, относящихся к разным, особо важным в социально-культурном отношении периодам испанской истории. Во-первых, речь идет о самом древнем слое лексики. Здесь представлены слова исконного характера, этимологически возводимые к истокам испанского языка, т.е. к латыни и к общероманской эпохе. Во-вторых, лексика вежливости ярко отмечена заимствованиями, прежде всего из

латыни, которые по испанской лексикологической традиции принято называть культизмами (*cultismos*). Как мы видели, эти пласты лексики находятся в активном системно-функциональном взаимодействии.

Вместе с тем выявилась еще одна типологически важная черта изучаемой лексики. В ее семантике обнаруживается такое представление о вежливости, которое ориентируется в первую очередь не на свойства индивидуума, а на определенное социально и, следовательно, культурно престижное пространство. В античности таковым представляется городское пространство, в противоположность грубой деревенской жизни. В Средневековье высокий престиж имеет королевская феодально-рыцарская среда; в период Золотого века, связанного со становлением новых общественных отношений, – атмосфера аристократического салона или имитирующая ее социально привилегированная среда богатых горожан.

Таким образом, в изучаемой лексике находят отражение представления о разных культурно-престижных социально-исторических пространствах, что естественно ставит вопрос о характере их отношения к современному языковому сознанию. Полагаем, что ответить на этот вопрос помогает намеченная в романистике концепция культурно-гибридной вежливости [4]. Стержневая идея культурно-гибридной концепции вежливости заключается в том, что исторические свидетельства в языке необязательно воспринимаются как экзотизмы или стилистические раритеты прошлого. Некоторые из них представляют собой, напротив, живые, функционально активные, хотя и сохраняющие отзвуки былых времен, элементы современного общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балакай, А. Г.* Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / А. Г. Балакай; Орл. гос. ун-т. – Орел, 2002. – 40 с.
2. *Богданова, В. А.* Взаимодействие этических и коммуникативных норм / В. А. Богданова, Т. В. Кочеткова // Хорошая речь / О. Б. Сиротина [и др.]; под ред. М. Л. Кормилицыной, О. Б. Сиротиной. – 3-е изд. – М., 2009. – С. 197–211.
3. *Ehlich, K.* On the historicity of politeness / K. Ehlich // *Politeness in language: studies in its history, theory and practice* / R. J. Watts [et al.]; ed.: R. J. Watts, S. Ide, K. Ehlich. – Berlin; New York, 2005. – Chap. 3. – P. 71–107.
4. *Mbouopda, D.* La politesse, forme d'hybridité culterelle [Recurso electrónico] / D. Mbouopda // *Mondes Francophones*. – Modo de acceso: <http://mondesfrancophones.com/espaces/afriques/la-politesse-forme-dhybridite-culterelle/>. – Fecha de acceso: 24.08.2016.
5. *Held, G.* Politeness in linguistic research / G. Held // *Politeness in language: studies in its history, theory and practice* / R. J. Watts [et al.]; ed.: R. J. Watts, S. Ide, K. Ehlich. – Berlin; New York, 2005. – Chap. 5. – P. 131–153.
6. *Casares, J.* Diccionario ideológico de la lengua española / J. Casares. – Barcelona : G. Gili, 1963. – 887 p.
7. *Караулов, Ю. Н.* Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1976. – 355 с.

8. *Витгенштейн, Л.* Философские исследования / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике: [сб. ст.]. – М., 1985. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. – С. 79–128.
9. *Álvarez, A. I.* Hablar en español / A. I. Álvarez. – Oviedo : Ed. Nobel, 2005. – 206 p.
10. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь : ок. 50 000 слов / И. Х. Дворецкий. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1976. – 1096 с.
11. *Corominas, J.* Breve diccionario etimológico de la lengua castellana / J. Corominas. – Madrid : Gredos, 1973. – 627 p.
12. *Lapesa, R.* Historia de la lengua española / R. Lapesa. – Madrid : Gredos, 1981. – 690 p.

The article deals with the peculiarities of formation of lexical means to express politeness in the Spanish language. The paper identifies the historical core of the lexical means of politeness, of which 80 % had been formed by the 17th century. Due to the cultural and hybrid context, the historical testimonies in language can act as functionally active elements of contemporary communication although they retain signs of ancient times. The study of the etymological bases and the internal form of linguistic means of politeness is useful for understanding the modern state of the Spanish language.

Поступила в редакцию 12.12.2018

М. А. Соловьева

«АББАТСТВО ДАУНТОН» КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена исследованию британского сериала «Аббатство Даунтон» как прецедентного текста англоязычного дискурса. Фильм рассматривается как явление современного семиотического пространства, насыщенное культурными и историческими кросс-референциями. В статье анализируются основные темы сериала, способствующие функционированию этого феномена культуры как элемента референции в законодательной деятельности, публичных выступлениях, текстах различных жанров, документальных фильмах и сети Интернет.

По утверждению современных исследователей, дискурс как форма общественных коммуникативных практик, характеризуемая взаимопроникновением контента и контекста, а также интертекстуальностью, репрезентируется любым объектом культуры, вовлеченным в коммуникативный процесс [1, с. 52; 2, р. 39]. Одним из таких объектов является, на наш взгляд, исторический сериал «Аббатство Даунтон» («Downton Abbey») по сценарию Джулиана Феллоуза. Этот фильм является призером многочисленных телевизионных и кинематографических премий и представляет собой знаковое явление британской культуры и мирового англоязычного дискурса в целом. Несмотря на то, что сериал транслировался несколько лет назад, темы, затронутые им, продолжают обсуждаться в англоязычном дискурсе по сей день. Этот фильм способствовал возрождению интереса к постэдвардианской эпохе, написанию научных, научно-популярных и художественных книг, а также созданию документальных киноматериалов о данном периоде.